

других хороших людей. И ты ведь не захочешь отказать людям в поддержке и не оказать помощи твоим родичам и родичам твоей жены.

Скафти ответил:

– Когда Скарпхедин сказал мне, что я сам вымазал себе голову дегтем, скрывался под полоской дерна, которую сам велел вырезать, и был в таком страхе, что Торольв, сын Лофта, отнес меня к себе на корабль в мешке с мукой и отвез в Исландию, – тогда я решил, что не буду участвовать в тяжбе об его убийстве.

Гицур сказал:

– Стоит ли сейчас вспоминать эти слова, когда нет уже в живых того, кто их сказал. Помогите мне, если ты не хочешь сделать этого ради других.

Скафти ответил:

– Эта тяжба тебя не касается, если только ты сам не захочешь ввязаться в нее.

Гицур очень рассердился и сказал:

– Непохож ты на своего отца. Правда, и в нем было разное, но он всегда помогал людям, когда у них была в этом нужда.

Скафти сказал:

– Разные мы с вами люди. Вы думали, что совершаете великие подвиги, – ты, Гицур Белый, когда напал на Гуннара из Хлидаренди, а ты, Асгрим, когда убил своего побратима Гаука.

Асгрим ответил:

– Никто не упрекает за лучшее, если он знает худшее. Но едва ли кто скажет, что я убил Гаука до того, как был вынужден сделать это. Тебя, пожалуй, можно простить, когда ты отказываешь нам в помощи, но непростительно, что ты поносишь нас. Мне бы только хотелось, чтобы еще до конца тинга наша тяжба принесла тебе величайший позор и чтобы никто не возместил его тебе.

Гицур и все его спутники встали и вышли. Они направились к палатке Снорри Годи и вошли в нее. Снорри был в палатке и сидел на поперечной скамье. Он сразу же узнал вошедших, поднялся им навстречу, назвал их желанными гостями и усадил рядом с собой. После этого они спросили друг друга, что слышно нового. Асгрим сказал Снорри:

– Мы с моим родичем Гицуром пришли сюда, чтобы просить у тебя помощи.

Снорри ответил:

– Вы вправе просить ее, – вы хотите начать тяжбу об убийстве ваших родичей. Мы получили не один добрый совет от Ньяля, хоть теперь об этом и мало кто помнит. Однако я не знаю, какая помощь вам больше всего нужна.

Асгрим ответил:

– Нам будет всего нужнее помощь, если нам придется биться на тинге.

Снорри сказал:

– Верно, тогда вам придется круто. Скорее всего дело пойдет так: вы будете очень настойчиво вести тяжбу, а они будут так защищаться, что ни одна сторона не признает себя неправой. Вы этого не потерпите и нападете на них, и вам не останется ничего другого, кроме как заставить их заплатить своим позором за убийство и унижением за ваших погибших родичей.

Было видно, что он всячески подстрекал их. Тогда Гицур сказал:

– Ты хорошо говоришь, Снорри. Ты всегда поступал смело и решительно, когда это требовалось.

Асгрим сказал:

– Я бы хотел знать, чем ты нам поможешь, если случится так, как ты говоришь.

Снорри сказал:

– Я докажу тебе свою дружбу так, что это будет к вашей большой чести, но на суд я не пойду. А если вы будете биться на тинге, то нападайте лишь тогда, когда вы будете вполне уверены в себе, потому что противники у вас сильные. Если же вас одолеют, то отступайте к нам сюда, потому что мои люди будут построены здесь в боевом порядке и будут готовы помочь вам. Но если случится, что они отступят перед вами, то я думаю, что они решат бежать в ущелье Альманнагья, где удобно защищаться, и если они доберутся туда, то вам с ними никогда не справиться. Я возьму на себя построить против них своих людей и не подпустить их к укрытию. Но преследовать их мы не станем, направятся ли они на север или на юг по реке. И когда вы перебьете из них примерно столько, за сколько у вас хватит уплатить виру, не расставаясь с вашими годордами и не покидая ваших округ, – тогда я прибегу со своими людьми и разниму вас. А вы должны будете послушаться меня, когда я